

**МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАРГАСОКСКИЙ РАЙОН
МУНИЦИПАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
КАРГАСОКСКАЯ СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА № 1»**

**МИНИ-СБОРНИК
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ
«САМОЕ ДОРОГОЕ»**

**Антуфьевой Е.В.,
учителя русского языка и литературы
МБОУ «Каргасокская средняя школа-интернат №1»**

Каргасок 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ:

Предисловие

Марусина пристань

Денискина Паска

Димка, синяк и... Мудрый Тургенев

Не единожды... эссе о гениальности Лермонтова М. Ю

Тайга моя – судьба моя

Пушкин... Последняя парта... письмо Ирине

Чик! И всё!

Предисловие

Когда-то, после колледжа, мне очень повезло: я стала работать учителем. Однако это я сейчас так считаю, а в далекой юности со слезами на глазах уезжала я из родного села Кожевникова на работу и новое место жительства в неизведанное место – село Староюгино в Каргасокский район. Надо отметить, что никогда до этого «путешествия» я не ездила по грунтовым дорогам, не представляла, что нужно добрых восемь часов, чтобы доехать от одной деревни до другой в Томской области, не плавала на старой самоходке-«калоше», не думала, что в селе может быть всего один магазин – и тот работает по часам. Мне были непонятны слова «зимник», «джип», «луга», «обласок»... Как думаете, умела ли я топить печь? Вот в такое место меня забросила судьба.

Знакомство со школой тоже началось безрадостно: на крыльце старенькой деревянной школы, клубочком свернувшись, загорала серая змея (оказывается, гадюка). Внутри школа была очень самобытной: плакаты на беленых стенах, советские парты с открывающимися столешницами, полурезиновые доски с вырезанными линейками – дело рук заботливых учителей начальных классов. Я сразу решила: главное, отработать год...

Проработала я в Староюгинской школе 10 лет, вышла замуж, обзавелась домом, огородом, опытом – жизненным и педагогическим. И знаете, поняла, что так благодарна этой маленькой (сейчас она давно другая), скрипучей, сине-оранжево-стенной школе, со стеклянными окнами, с огородам, колокольчиком-звонком, прекрасными учителями, а самое главное – любознательными детьми, открытыми, доверчивыми, по-деревенски настоящими детьми. Именно они – дети – напомнили о том, что детские годы – счастливое время, когда многое видится по-другому: деревья -выше, река Васюган – море, клюква – янтарь, гадюка – гейзер, старики и старухи – герои сказок.

В Староюгино были и есть, как и везде, разные люди, но именно там, может, оттого, что я была далеко от родительского дома, мне полюбилось наблюдать за ними, подмечать, слушать, узнавать их. Людей. А где еще, кроме литературного творчества, можно живо, метко, ухабисто описать былинную старушку, сорванца-мальчишку... Так появились мои, так называемые педагогические рассказы (конечно, смело). Спасибо, Староюгинская школа, река Васюган, деревенские жители, за мою любовь к профессии и творчеству. Ну а жизнь торопится...

Вот я уже следующие 10 лет работаю в прекрасной школе номер 1 села Каргасок. Очень люблю школу, свою работу. Трудная, прекрасная, по-настоящему человеческая профессия – учитель. Многие в моем коллективе на самом деле отдают сердце детям, и я стараюсь.

Однако моя страсть – литературное творчество. Правда, пишу в стол, но иногда что-то из своего приговора. Я не претендую на признание, но мне кажется, что на уроках внеклассного чтения некоторые рассказы могут быть полезны. Именно на уроках, и литературы в том числе, мы говорим о человеке, его характере, способности к эмпатии, по-

мощи. Это мы обязаны возвращать в себе и детям. И может, лучше говорить только о Пушкине, Чехове и других классиках, но вы бы видели глаза ребят, когда они узнают, что текст, который мы анализируем, написал их учитель. Все становится совсем по-другому. И даже метафоры ищутся...

А все началось с деревянной махонькой школы, что навсегда поселилась в моей памяти.

МАРУСИНА ПРИСТАНЬ

Далеко-далеко среди сибирских кочей и болот, среди безымянных речушек затерялась Марусина деревенька. Вы спросите – почему Марусина, ведь у неё есть название Аистинка? Да, есть название, но все, кто хоть раз бывал в этих местах, называли её именно Марусина. Марусина, и никак по-другому. На большую землю, в райцентр, добраться можно было только по воде, на пароме, а в зимнюю пору по проторенной дорожке на конных упряжках. Деревушка состояла из двух улиц, из четырех десятков домишек. Это сельцо было одним из тех, которые надолго остаются в памяти благодаря людям, которые там живут. Аистинке было уже почти сто лет, каждый из которых запоминался светлым событием: то богатым урожаем, то грибной порой, то свадьбой, то строительством нового дома. Однако и беды случались в Марусиной деревеньке. Самым большим горем были сороковые годы, ознаменованные голодом, потерей родных мужчин, похоронками, слезами. Но все радости и горести переживали аистинцы вместе, не бросали никого в беде, делились последним, благодаря чему и выжили, все друг другу были родными. Никогда не запирались их двери на засовы, каждый зашедший был дорогим гостем. Новое имя деревушка получила лет тридцать назад, когда стали прилетать из года в год туда аисты, которых селяне любили, оберегали. Да и птицы не скупались на добро: каждый год дарили людям урожай новых девчушек да ребяток.

Красиво было в тех местах. Зимой деревушка щебетала с воробьями, перекликалась со снегирями, пускала игривые кольца печного дыма, потрескивала удалым морозцем, каталась с ледяных гор с ребятами. Весной журчала ручейками, пускала кораблики, звенела капелью, делилась отпускными впечатлениями с птахами, ждала в гости великолепных аистов. Летом ходила с бабами по ягоды, по лечебные травы, по вечерам затягивала с деревенскими старушками песни, жужжала комарами да мошками на рассвете на речном берегу. Осенью пахла грибами, хлюпала сыростью дождей, переливалась на ядреном солнышке золотом. Жила, жила деревушка...

Много хороших людей жило в тех краях, многими гордилась деревня. В то время старость была в почёте, молодость в

уважении. Любили люди друг друга. Тогда-то, в семидесятые годы, жила в той деревне баба Маруся, было ей тогда семьдесят шесть лет. Много повидала она на своем веку: тяжёлую, изнуряющую работу, рождение детей и внуков, смерть мужа, голод, переезд в город и возвращение в родные места, каждое событие в её жизни было отмечено на лице новой доброй морщинкой. Марьино лицо так густо было осыпано ими, что походило на лучистое солнышко. Глаза её в молодости были словно бирюзовые камушки, а сейчас хоть и потускнели, но выражали столько милосердия и добра к людям, что когда её взгляд устремлялся на тебя, становилось спокойно и хорошо. Руки бабушки были темно-коричневого цвета, сухие на ощупь, шершавые, но от того еще более родные и ласковые. Каждого приголубит и пожалеет Маруся по-своему. Верующей была Маруся, Бога почитала, людям о нем рассказывала. В её доме было много образов, доставшихся ей от родителей в наследство. Любила она их, ухаживала как за живыми. Самый нарядный угол в доме её был предназначен для них. Все святые праздники наперечет знала Марья, про них по вечерам сказывала она деревенским ребятишкам, забегавшим к ней поздороваться. Спасение рода человеческого, считала Марья, в молитвах да в вере. Молилась она каждый день за семью свою, за односельчан, за хороших да за плохих людей, за весь свет; селян учила благодарить отца небесного за каждый прожитый день. Еще баба Маша в почете у деревенских была, потому что умела она хвори заговаривать: пупки ребятам зашёптывать, натруженные спины старикам залечивать, мысли плохие спроваживать, надежду вселять. Люди говорили, что Бог в руках Машиных, что за Марью снизошла на деревню благодать аистова. А баба Маша лишь тихонько посмеивалась да заливалась густой краской от смущения. Пришлось побывать и мне в этой деревне. Сама-то я из города. Случилось, что познакомилась я с Наденькой, белокурой девушкой с вечной улыбкой на лице. Сдружились мы с ней. Она часто рассказывала удивительные вещи про свои родные места, про свою любимую бабу Машу, про аистов, про старинные песни... Я всегда представляла в тот момент местность, где все рады друг другу, где до сих пор сохранилась общинная жизнь. Я никогда не была в деревне, мои родители, бабушки, дедушки были коренными горожанами. Мне казалось, что за пределами нашего города Щомска жизнь едва теплится. Очень любила я свой город с его узкими улочками, старым театром, набережной. Но после рассказов Надюши я будто открыла для себя границы: уж очень мне захотелось побывать в настоящей деревне. Стоял июнь, а это значит, что все студенты разъедутся: кто на практику, кто домой, кто в гости. Вот и моя Надежда засобиралась в Аистинку за семьсот километров от моего города.

- Надь! Оставайся у меня на лето, будем на танцплощадку ходить, на каруселях кататься!

- Спасибо, Настя! Но...я к бабуле. Соскучилась я по ней, по речушке, по аистам. В лесу хочу побродить, ветер послушать... Поеду..

-Поедешь...значит.

-Да.

Я расстроилась: уж очень я к ней привязалась – мы с ней стали словно сёстры.

-А поехали со мной,- вдруг выпалила Надя. – Бабушка обрадуется.

-А что, разве можно?

-Конечно. Наши всем рады. Особенно гостям.

- А поехали, - вдруг сказала я, обрадованная долгожданной возможности посетить те места.

Так я и попала в Марусину деревню.

Семьсот с лишним километров пробежали весело и быстро. Тогда я первый раз села на паром, увидела неопишуемые сибирские красоты: тайгу, рыбаков, глинистые высокие берега, заливные луга..Ах! Как же ты красива, Россия-матушка!

На пристани нас встречала, казалось, вся деревня. Только мы спустились на берег - нас подхватили, стали обнимать, приветствовать, спрашивать. Я очутилась в круговороте ласки, надежды, добра. Но тут толпа расступилась, и я увидела её..её..бабу Марусю. Я никогда более не видела в своей жизни таких красивых людей, но красота её была не внешняя, видимая, а внутренняя: от неё будто исходило солнышко – захотелось её обнять, поцеловать, заплакать.

-Приехали, кровинушки...Наконец-то...

Меня так удивили её слова, она будто знала, что нас двое, хотя мы не сообщали когда приедем, сколько нас.

Мы поплелись, наслаждаясь воздухом, наполненным черёмуховым ароматом, по берегу. Очутившись у бабы Маши в доме, я почувствовала себя хорошо: ушла боль в спине, которая с детства всегда сопровождала меня после травмы. Пахло мятой, свежей крапивой, окрошкой, парным молоком, сеном. Я никогда не ощущала такую богатую палитру запахов.

После ужина, состоявшего из свежих огурчиков, печеной картошечки, молочка, редисочки, зеленого озорного лучка, доброй окрошечки, мы с Надей засобирались в баню. Тут ко мне подошла бабушка:

- Настасья, вот возьми мазь целебную, спину погреешь в бане камушками, потом мазью натришь, да в тепле посиди чуток, надолго забудешь про спинушку.

-Откуда вы знаете?

-Столько лет живу на свете, вижу и хворого, и здорового. Все под Богом ходим, а он велит нам помогать друг дружке. Возьми...

- Спасибо, бабушка. – Вдруг выпалила я, сама не ожидая от себя такого быстрого перехода на «ты».

Никогда ранее не была я в бане, а что это такое слышала только от Надюшки. Оказавшись в самой настоящей бане, я

чуть не потеряла дар речи, потому что меня обдало таким ласковым паром, берёзовым духом, жаром каменки. Вот Россия-то где! Мне на ум пошли названия песен, о которых с любовью рассказывала подруга, и хоть я их не знала, но мне всё равно хотелось петь.

...Баба Маруся была права: спина моя стала как новая. К ночи мы напились липового чаю, посекретничали втроем о женской доле и, счастливые, легли спать.

Наутро, ощутив на своём лице солнечный зайчик, я открыла глаза, потянулась, про себя вновь отметив, что спина до сих пор не болит. Надюшка и бабушка уже не спали, а заканчивали прополку огуречной гряды. Увидев меня, баба Маша встрепенулась:

- Проснулась, голубка? Вишь, как на тебя чаёк-то целебный подействовал: часов двенадцать проспала... Давайте трапезничать, чай, голодные?

Перед нами, как по волшебству, появились чудесные продукты: облепиховое варенье, печёные пироги с судаком, чай со смородиновым листом, толчёная картошечка – и всё с пылу с жару...

До сих пор помню, как бабушка Маруся радовалась, когда её стряпню с удовольствием ели.

Прогостила я у бабушки в Аистинке две недели, которые пролетели одним днём. Видела, как приходили к Марусе за помощью – и никому она не отказывала. Видела, как она каждый денёк радовала свет божий своей работой мирной, как оберегала окружающих от невзгод, как советы дельные давала, как с соседскими малышами нянчилась, как молодых девиц вязать учила, как со старушками на лавочке пела те самые старинные песни, как мази смешивала, да травки сушила, как мир любила.

А за два дня до моего отъезда случилось чудо: пошли мы с Надюшей на реку искупаться, покупались, решили домой возвращаться огородами, чтобы на берёзку-красавицу полюбоваться, нарадовались на деревцо, свернули к избе, а тут...тут...аисты – птицы божьи на крыше Марусино дома сидят, как ни чем не бывало. Я словно окостенела – никогда я не видела таких красивых мощных птиц. А Надя говорит:

-Аисты бабушкины прилетели!

- Бабушкины?

-Да! Они всегда на нашей крыше гнездятся.

- Господи, красота-то какая!

Оставшиеся два дня я почти не заходила в дом: любовалась каждым кустиком, травкой, камушком Аистинки. Я не хотела уезжать в город, мне казалось, что деревня – милый, такой теплый, настоящий, целебный, ласковый дом мой.

Когда баба Маша и Надя провожали меня на берегу, то у меня так сильно щемило сердце, что я даже не могла вымол-

вить слова. Бабушка обняла меня:

- Счастливая будешь, Настя! И замуж выйдешь, двум дочкам жизнь дашь, муж работающий будет! Спину-то мазью натирай, что в сумку положила.

-До свидания, бабушка Маня! Спасибо тебе...Спасибо тебе.

Я взбиралась на высокий уступ парома, думала, как же я раньше жила без этого, без настоящего, живого, хрупкого. Наденька и бабушка махали мне белыми платочками, крестили вслед. Вдруг над моей головой пролетели быстрой стрелой два аиста, словно желая мне счастья в пути. Я не смогла сдержать слез, разрыдалась.

Тем же летом, вернувшись в Щомск, я узнала от родителей, что мы уезжаем на Украину навсегда. С тех пор я больше не видела ни бабу Марусю, ни Наденьку, но каждый день из года в год я мысленно возвращалась в Машину деревню. Судьба меня занесла за несколько тысяч километров от Аистинки, которая затерялась где-то там, в Сибири.

Сейчас я часто думаю о том, что такое родина для человека. Где это место, в котором он чувствует себя счастливым ребёнком? До встречи с Марусиной деревней я думала, что родина – земля, где ты родился. А сейчас я могу смело сказать, что родина там, куда ты хочешь возвращаться снова и снова, то место, которое ты часто видишь во сне, о котором думаешь, за которое переживаешь. Для меня родина - это Аистинка, сердцем я всегда там, с Марьей, аистами, баней, со стареньким домиком.

У каждого из нас в памяти и сердце всегда должна оставаться такая Аистинка, поскольку мы должны знать и помнить место, где спокойно и радостно.

А я, каждый вечер засыпая, вновь и вновь вижу тихую Марусину пристань.

ДЕНИСКИНА ПАСКА

Посвящается моему ученику Денису Ш.

В одном из отдаленных сел Сибири, далеко-далеко от Большой Земли затерялась в своей неказистости маленькая избушка. Избушка, которую и не назовешь иначе: уж очень она была скромная, неприглядная. Смотрела она на улицу виноватым взором из двух своих закоптелых оконцев, словно извиняясь за свою простоту. Однако славная была изба, с добром выстроена, и в ее окнах-глазках самыми первыми каждый день появлялись лучи приветливого солнца. Всякий прохожий, встречавшийся с ней, в мыслях задавал вопрос: «Сколько ж тебе лет, милая?». А было ей ни много ни

мало уж пятьдесят лет без четырех годков. Много она видела на своем веку и радости, и горя. И война в сороковые не обошла хатку, сгинул где-то на вражьей стороне ее строитель. Несколько лет стояла она без жильцов, будто оплакивая своего хозяина. В то время с жильем беда была, но не селился в ней никто, как бы отдавая ей дань памяти по всем безвременно погибшим в ту страшную годину. Простояла она так четыре года, потом приехали в деревню несколько семей с Украины, вот одна-то и основалась в ней. Засияла тогда избушка чистым бельем под окошками, заговорила детскими голосами, зазвенела песнями женщин, загудела суровым басом отца-работяги - пошла жизнь своим чередом, едва успевая отсчитывать пятилетки. Несколько поколений сменилось, настали восьмидесятые, а избушка все еще радовалась жизни, которую бережно хранила в себе...

Осенью личико хатки освещалось крупной сетью рябиновых листьев да коралловых гроздей, солнышко играло в кудрях березки, жившей по соседству с избушкой в мире и согласии уж лет тридцать. Унылыми октябрьскими вечерами плакала избушка холодными дождями, которые омывали ее, делая стены похожими на серый камень.

Зимой она мерялась силами со стужей, вызывая ее на бой серыми плотными смолистыми клубами печного дыма. Вместе с деревенскими ребятишками радовалась бархатному снежку.

Летом загорала на солнышке, провожала в дальнее плавание проходящие мимо деревни суда.

Весною играла с солнечными зайчиками, отражающимися в капели, галдела с птахами.

Вот в то самое время жили в избенке хорошие люди: бабушка Марья Даниловна с семилетним внуком Дениской. Беднѣхонько они жили, перебивались чем могли. Спасибо, что добрые люди не забывали их, кто молочка даст, кто мучицы принесет, а кто огород прополоть поможет. Любили их в деревне, хорошие они были. Дениска-то безобидный был, умишком обделенный. Дурачок, одним словом. Но никогда в своей жизни паренёк никого не обидел. И его никто не трогал. Даже пацанята-сорванцы никогда не смеялись над ним, а наоборот, кто конфеткой угостит, кто семечек насыпет. А Дениска им: «Гхай...Сба..зиба». Друга у друга обитатели той избушки единственными родственниками были на всем белом свете. Иной раз после летнего знойного дня сядет баба Маруся на лавочку, погладит ласково шершавую бревенчатую стену избы, тихо затынет «Ай, горька моя судьбинушка...» Тут и внучок рядышком. Глядишь, через некоторое время поют с Марьей соседки-женщины, а мужики смолят поодаль свои крепкие самокрутки. Смотришь на них – не на радуешься. Вот где она, Россия-матушка!

Марья Даниловна верующей была да внука приучила смиренным быть, добро делать, Бога благодарить за каждый прожитый день. Тогда многие не верили, церковь презирали, на партию уповали, коммунизм строили. Да и все же некоторые прислушивались к певчим рассказам бабы Марьи об отце небесном.

Дениска с Марьей Даниловной много молились за мир на земле, за погибших в войну, за родителей Денискиных, которые на БАМе сгинули без вести, за всех хороших людей на свете да и за плохих тоже, ведь они люди. С особым трепетом перебирали они старые оставшиеся фотокарточки, ухаживали за образами, разглаживали страницы Ветхого завета. Гордилась избушка своими жителями, переживала за них, убаюкивала их по ночам.

Все святые праздники знали наперечет Дениска с бабушкой. С особым чувством относился внучок к Светлой Пасхе, Рождеству Христову, Святому Богоявлению.

Стояла весна, апрель. Природа в том году как-то очень быстро растопила сугробы, сменила суровые морозцы на мягкое тепло. Вокруг сверкала свежестью едва пробившаяся травушка. Радостные птахи щебетали без умолку, словно делились отпускными впечатлениями друг с другом. Марья вышла погреть свои натруженные ноги на солнышко, и невольная улыбка посетила её морщинистое лицо.

-Дениска! Выдь, погляди: красота-то кака!

- Гхай, кра – хотя!!! Белёза зелёная!

-Да, зелёная. Невестушка наша. Да ведь завтра Пасха, слышь? Прославлять будем отца нашего.

- Та-та, слышь, – задумчиво ответил Денис, глаза которого озарились таким наивным и детским блеском, какой можно наблюдать лишь у новорожденных да у юродивых. Затем он что-то загулил, заворковал и убежал в дом.

-Эк мы, неужто чуть не забыли? Старость, старость. ..Ай, горька мо-я су-дьби-нушка!

Остаток дня прошел в приготовлении к предстоящему празднику. Внучок перебрал все иконы, каждый образок поцеловал, пошептал что-то. Марья нашелушила луковой кожуры. Соседка как раз занесла десяток яичек, которые были сварены да положены на окраску в луковый настой.

Избушка парила запахом свежей сдобы, клюквенного киселя, булочек с моченой брусникой. К вечеру в окнах избушки показалась ароматная праздничная Пасха – Денискин любимый пирог.

Дениска верил, что с каждым целебным кусочком кулича, у него появляется больше сил, здоровья. Больше всего на свете Дениска хотел выздороветь и посадить бабушке весь огород, принести бочку воды, наколоть дров, нарыбачить карасей. Он знал, что завтра Отец небесный вновь поможет ему обрести сил, которые наверняка уже напитались в кулич. С такими мыслями он поцеловал бабушку, помолился, потёр старенький нательный крестик и лёг спать.

Пасхальное утро встретило деревушку мягкими нитями золотистого солнышка. Денискина избушка купалась в них, словно воробушек. Дениска проснулся, но не открыл глаза. А полежал минут пять, будто прислушиваясь к звукам, готовясь к чему-то великому, славному.

Затем он встал, оделся, выбежал во двор, полюбовался белыми барашками на небе, послушал работника-дятла.

-Христос воскрес! Христос воскрес! Христос воскрес! Паска-аааа- улыбаясь, почти прошептала бабушка.

- Гхай!Паска! Ва—стину васкхлес! Ва—стину васкхлес! Гхай! Ва—стину васкхлес! – с восторгом, почти крикнув, от-ветил Дениска.

Тут же два пасхальных яичка были вынуты из кармана бабушкиного халата.

Вскоре был накрыт праздничный стол, который, однако, не имел никаких следов роскоши. Но всё на нем было сделано с любовью и уважением. Помолившись, Дениска да Марья приступили к трапезе, пахло чаем из душицы и мяты, брусникой. Баба Маша отрезала внуку кусочек душистого кулича.

- На, Дениска, поправляйся!

- Сба-зиба. - И зажмурил при этом глаза.

Когда чаепитие закончилось, бабушка прилегла отдохнуть, а внук потихоньку вышел на улицу, взял ведро побежал к водокачке. Набрав почти полное, он с остановками донес его до бочки – и так шесть раз. Но он не устал, напротив, ему было так хорошо и спокойно, ведь он знал, что сил хватит. Он принес дров домой, подмел двор, покормил старого Шарика, помыл посуду, укрыл ватным одеялом бабушку. Затем прилег, чувствуя при этом тихую радость и вдохнове-ние.

-Батюшки, кто ж нам так помог! Кого благодарить-то? Бог ему в помощь во всяком деле. Глянь, Дениска!

-Гхай. Э-да Ди-ди-ска! Ди-ди-ска! Фдаро-вый Ди-ди-ска!

Бабушка обмерла, затем скромная улыбка посетила ее доброе, ласковое лицо. Она посмотрела на образы и подумала : « А, может, и вправду поправится?!?. Дай Бог!!!»

Дениска был такой радостный, словно ангелок, прыгал, радовался, молился...Христос воскрес!

Праздничный день подошел к концу. Два человечка с таким благоговением в сердце легли спать. Избушка бережно охраняла их сон, отгоняла от них мрачные думы. Она любовно укачивала их тихими хлопками остывающей печи. С Пасхой, Дениска! С Пасхой!

ДИМКА, СИНЯК...И МУДРЫЙ ТУРГЕНЕВ

8.00. Утро. Белые мушки весело кружатся в воздухе, который наполнен свежестью и жаждой жизни. На деревьях, крышах домов, заборах лежат февральские «шапки». Все вокруг имеет такой первозданный и девственный вид, что даже не хочется делать шаг с крыльца, чтобы не испортить белоснежного ковра, который так любовно и искусно ткал кто-то незримый.

Даже соседская кошка, мяукая на крыше гаража, не решается сделать прыжок вниз, словно знает, сколько вложил сил в это творение ночной гость.

Постояв несколько минут, я вдруг возвращаюсь в реальность, вспоминаю, что через 25 минут начнется первый урок, закрываю дверь дома, бегу, стараясь делать редкие шаги, по двору, сажусь в машину... Все. Утро случилось.

Школа гудит детскими голосами, смехом, возмущениями у стенда с расписанием... Улыбаюсь, громко здороваюсь со всеми, снимаю верхнюю одежду, одновременно ищу ключ от своего кабинета. Вхожу в него... Да здравствует рабочий класс!!!

... Два урока прошли незаметно. Я с радостью отмечаю, что успела проверить несколько тетрадей по русскому языку, а это значит, что вечером можно будет больше уделить времени семье (почитать книгу дочери, приготовить что-нибудь «прихотливое») и основательнее подготовиться к урокам, а может быть еще и почитать книгу – СТОП! - что-то я уж совсем размечталась. Впереди еще 2 урока, консультация, отчет по внеурочной деятельности, «битва» с расписанием, ознакомление с вновь пришедшей документацией по ГИА, проверка ведения классных журналов учителями.

Итак, 5 урок. Литература. Это непокорный 7 класс. Класс «инетов», «контакта», «андроидов», «планшетов». Им бы в интернете покопаться, а я им про доброе, вечное, разумное. А я им про светило русской классической литературы И.С. Тургенева да про стихотворения в прозе, про глыбу нашего наследия – русский язык...

Начало урока было многообещающим: домашнее задание было выполнено у всех. Невольно в мыслях появилась фраза: «Ведь могут, когда хотят!»... Далее работаем по плану, знакомимся с текстами некоторых знаменитых тургеневских стихотворений, подводим итог урока, уточняем домашнее задание, которое предполагает письменную работу – доказательство на личном жизненном опыте тезиса стихотворения «Русский язык» Ивана Сергеевича. Звонок. Ура...

... Уроки закончились, в школе тишина, которая прерывается трелью телефонных звонков да стуком компьютерных клавишей. Вокруг царит глубоко рабочая обстановка.

Вдруг в коридоре раздается голос Димки (громкого, прямолинейного, не обремененного нормами и культурой поведения, речи, а вообще доброго малого) из того самого 7 класса.

- А где Евгения Владимировна? Она мне срочно нужна. У меня случилось открытие вселенского масштаба! Я..наверно... учиться начну...хорошо ...по русскому...

- Дима, что? – с испугом спрашиваю я. – Что произошло?

- Я понял, о чем стих этого...как его...Тургенева. Он говорил, что во дни сомнений тягостных...неудач...и всего такого только язык наша поддержка? Так?

- Так, - отвечаю я, попутно заметив на розовом лице парня свежий синяк, который наполнил весь облик суровостью, решительностью, серьёзностью. – Да что у тебя случилось, а?

- Видите синяк? Так вот, сегодня после уроков поспорили мы со Славкой, что до завтрашнего дня ни разу не оскорбим

друг друга, а кто это сделает, получит в глаз. Как вы думаете, кто проспорил (ответ был очевиден)? И так мне сегодня было тягостно, что я понял вашего Тургенева: вот не сказал бы сгоряча плохого, произнёс бы другое слово – язык был бы мне опорой. А так только беда одна. Так значит, нужно всегда следить за тем, что говоришь, кому, как, для того, чтобы у тебя вместо проблем с людьми были хорошие отношения. Может, то, что я говорю, как я говорю, рисует картину обо мне, моей семье, друзьях, знакомых и народе, к которому я отношусь. Может, страна наша прошла столько плохого и выстояла благодаря мощи великого народа и в деле, и в слове. Если так, то с сегодняшней минуты я слежу за тем, что говорю. Вот и всё. Ну...я пошёл...

Я смотрела вслед мальчику, который шел такой стремительной, важной походкой, которая появляется у человека, гордого за свои успехи, довольного собой, и думала о том, что понял этот Димка из основательных слов «стиха» про русский язык мудрого Тургенева. Что? Что?

...Да неважно что, важно, что небольшой человек начал понимать, что все вокруг связано с умением говорить. Речь - это наше, Димкино, мое, ваше, Тургенева сокровище, которым нужно делиться с щедростью, нести его с гордостью, понимать его ценность и в то же время доступность для каждого.

Пусть сокровище каждого из нас блестит, с каждым днём набирая силу и глубину цвета...

НЕ ЕДИНОЖДЫ...ЭССЕ О ГЕНИАЛЬНОСТИ ЛЕРМОНТОВА М.Ю.

...Аминь. Аминь. Аминь. Слова-заклятия, которые хоть раз в жизни произносит человек. Произносит, когда хорошо. Произносит, когда скверно. Произносит, когда просит. Произносит, когда благодарит. Сегодня я произнёс их в знак благодарности творцу за то, что я такой. Такой, какой есть. Кто-то скажет, я не от мира сего. Ну не может пятнадцатилетний мальчонка любить до безудержности книжную пыль и её носителей. Ему бы побегать, подразнить ворон да сорок в саду, но нет! он читает, читает, рифмует, декларирует. Боже, до чего удивителен твой мир! Всяк червь в нём нужен для кого-то. Всяк необычный, всяк неповторимый. Нет ни одной клетки в мире, имеющей абсолютно подобную себе. Потому не следует искать среди нас похожих друг на друга во всём. Каждый несёт планете что-то своё. Я несую радость обладания мощью – русским языком, настоящей громадой, бесценным кладом. Я пытаюсь выжимать из него нектар стихотворений, мёд поэм. Пытаюсь долго и упорно. Не единожды...

Выходить по-разному. Иногда сразу, помногу, обширно, богато. Мысли, точно пчёлки, роятся в уме, последовательно выстраиваясь в логичные ряды. В такие минуты я безудержно доволен собой. Я верю в себя, в свое предопределение. Я – поэт. Поэт? Да. А кто это? Я. По-другому не могу определить, я ещё не знаю, как это быть им. Но безутешно хочу знать и

связать с поэзией свою жизнь. Мне так легче. Я могу в стихах рубить обо всём. А в случае чего сказать: ведь я поэт. Просто поэт, и всё.

Иногда пчёлки не хотят строиться, сбиваются, не слушают команды, сбегают на волю. Вот тогда-то я думаю, что не моё это! не моё! Однако вновь и вновь пытаюсь сложить, как мозаику, части, упорно не подходящие друг другу. И так верчу, и сяк. Не хотят, подлые! Но нет-нет, да стягивают пустоту, сшиваются краями, играют в оттенки. Это самое трудное время, но итог которого счастливейший. Я оживаю, веселюсь, бегаю за пресловутыми сороками. Гоняю вольных ворон. Я счастлив! Я могу! Я имею! Я богат!

...Хандра. Пушкинское слово. Противное, но манящее. Бывает и со мною. Не хочу говорить. Дышать. Вещать. Такое состояние, как назло, наводит на меня стрелы творенья. Мыслей много. Надо писать? Надо. Послушно беру альбом и, не думая, просто пишу, пишу, пишу. О чём там? А я и не знаю, просто творю. Это мой жребий, бывало и так. Не единожды... Господи, почему ты выбрал меня? Разве я достоин этой награды? Ведь есть и лучше меня. Часто спрашиваю об этом. Ответа нет, есть только мысли. Разные. Не надо думать, надо творить. Как он. Творец. Как Пушкин. Как Радонежский. Все несут миссию в мир. Каждый создаёт и разрушает. Так было и будет. Не единожды...

ТАЙГА МОЯ – СУДЬБА МОЯ

...Чок-чок-чок! Потрескивает рыжими искорками веселый охотничий костерок. На деревьях причудливыми тенями танцуют языки пламени. Где-то в глубине тайги, прижав уши, лежит серый зайчишка; медведь-топтун, уставший от надоедливой мошкары и комарья, спрятав морду меж кустов, вспоминает о сладкой дикой малине. Господи, до чего красива тайга во все времена года! Городской житель может поспорить со мной, мол, что может быть красивого в непроходимом месте, окружённом со всех сторон топями, заваленном валежником, обитаемом гадюками да бурундуками, мышами? Лет семь назад я тоже так думала. Я не понимала уникальности момента священного ритуала общения с тайгой. Тайга – слово-то какое! Есть в нём и отзвук бубна селькупского шамана, есть и загадка, и тайна, есть и охотничья решимость. Теперь я ни за что не променяю ночёвку в охотничьем зимовье на праздный отдых возле пафосного водоёма. Моя любовь к северной тайге появилась после встречи с человеком, который перевернул всю мою жизнь. Так случилось, что прожив девятнадцать лет в Томске, после окончания педагогического университета понесла меня нелёгкая за шестьсот километров к северу от города в далёкий, Богом забытый, когда-то лесозаготовительный посёлок Староюгино. Чтобы добраться до него, нужно пятьсот километров отмотать по грунтовке, которая в период весеннего половодья напоминает знаменитое Васюганское болото. Затем минут двадцать пять на пароме через реку Васюган – и ты на месте. Вот здесь-то я

и начала свою деятельность учителя-словесника. Познакомилась со многими хорошими людьми, испытала первые трудности деревенской жизни, и потекла моя тихая размеренная староюгинская жизнь.

Вот тогда-то я и познакомилась с высоким справным парнем тридцати лет Антоном. Парень как парень, работающий, непьющий, весёлый, но была у него одна страсть – тайга. И охотником он был с детства, и рыбаком, и шишкарём, и грибником, и ягодником. Сначала я думала, что это просто, как модно говорить, хобби. Но нет! Нет! Тайга – это вся его жизнь. Будучи пятилетним мальчишкой, рассказывал Антоша, вместе с дедом ходил в болото за клюквой, бил шишки с кедров, ловил гадюк, да сажал в бутылки. А став взрослым и вовсе стал пропадать в лесу. При слове тайга у него глаза словно загорались. Летом, когда в тайге особо делать нечего, собирает морошку да землянику, душицу да другую травку целебную. В августе в поисках подосиновиков, или как Антон их называет красноголовиков, наматывает не одну пятерню километров: не потому что любит грибы, нет, в почёте сам процесс общения с северным лесом. Осенью до последних криков птиц сидит в «скородке» да ждёт удачи под видом чирка, гогля иль другой «ути». А самой удачной охотой считается, по его словам та, которая заканчивается диким гусём. Антошкина осенняя пора также окрашена гранатовым цветом спелой клюквы, богато рассыпанной на высоких кочкарях. Зима его проходит в выслеживании соболиных и лисьих троп, ловле колючих да юрких ершей в трескучий мороз. Апрель и май – подготовка к весенней охоте и рыбалке, ремонт лодочки, спуск «Крыма» на воду, охота, рыбалка. И так из года в год. Каждую свободную минуту находится причина навестить её, красавицу и кормилицу, тайгу.

Много случаев из жизни охотника и рыбака рассказывал Антон: встречу с волками на Перелето (озеро) во время обкатки нового снегохода, про воровство мешков с шишками плутом-медведем, про ночёвку в землянке на реке Ершовке, про неслыханно богатый кедровый год, про красивый таёжный лес на Ятуге... Когда я слушала его рассказы, под сердцем начинало щемить, появлялось чувство общности, родства с сибирской землёй. Хотелось хотя бы один раз попасть туда, далеко, в тайгу.

Отпуск мой подходил к концу. На календаре август отсчитывал свои последние деньки. Началась подготовка к новому учебному году, когда Антон позвал меня с собой в тайгу: бить шишки. Никогда ранее в своей жизни я не видела, как это делается. Но, сама от себя не ожидая, согласилась. После недолгих сборов под руководством Антона я уже сидела на крыле «джипа». Вы знаете, что такое «джип»? Нет, не тот, который можно увидеть в каждом городе и крупном посёлке на дороге. Нет. Это особый вид техники, напоминающий трёх- или четырёхколесный мотоцикл, но поставленный на огромные колёса. Еще его называют таёжным вездеходом, болотоходом. Поездка продолжалась почти четыре часа по «пням и колодам», как мне казалось. Прибыв на место, мы стали располагаться в заброшенной лесной избушке, которая, как и любой сибирский угол, имела свою историю. Оказывается, когда-то в ней здесь жил старый остяк Чингал, промышленяющий делами таёжными, редко выходивший из лесу, однако известный всем охотникам и рыбакам. Очень давно он умер, но избёнку свою завещал всякому доброму человеку, дружившему с тайгой. Вот именно здесь мы и обосновались. Через час мы

уже рыскали по кедрачу с тяжелым ботом в руках, проверяя на урожай близлежащие кедры. Никогда ранее я так не уставала. Казалось, что я пробежала тридцатикилометровый марш-бросок. Но это была приятная усталость. Вечером Антон развёл ласковый костер, который так миротворно обогревал ароматным теплом. Как же хорошо. Рядом с нами тихо посапывали измождённые долгой дорогой Белка и Борзый. Ночью, глядя в низкое августовское небо через отверстие в стене, я думала о том, что такое человек со всеми его прогрессами и возможностями среди обширной, бескрайней, громадной, мощной северной тайги. Разве имеет он право губить её, вырубать, сжигать? Может ли он сохранить её первозданность? За что Бог дал во владение человеку такую северную красоту? С этими мыслями я уснула. Утро встретило меня ласковыми лучами солнца, серебряной паутиной, лёгким ветерком. Весь день мы шишковали, останавливаясь изредка на короткий отдых. Сколько красивых животных я видела: озорных белок, полосатых бурундуков, суетливых мышей, недовольных гадюк, трусливых зайцев. Какой же ты живой, Север!

Вечером я стала прощаться с этим местом, которое изменило мой взгляд на жизнь. До свидания, тайга! До свидания! ...Началась моя рабочая пора. Но я постоянно думала об этом путешествии. Сколько же всего тайного и неизведанного есть вокруг нас! Как много Север теперь значит в моей жизни. Благодаря ему я открыла границы для себя: стала ответственным, сдержаннее. Я часто думаю, как бы я жила сейчас, если бы судьба не занесла меня в этот дикий северный таёжный край, окрашенный стуком дятла, призывной песней лося, чувыканьем косача, тихой песней бывалого охотника. Боже, как красив мир, созданный тобой!!!
А Антон стал моим мужем.

ПУШКИН, ПОСЛЕДНЯЯ ПАРТА ...ПИСЬМО ИРИНЕ

Снег, снег, снег. И утро. Снежинки. Печной дым. И тишина. Красота.

УВВИИИ-ХОП! БРЯК-ЦАП! Меня встречает привычная школьная дверь со своим неповторимым скрипом, который я никогда ни с чем не перепутаю. Тут же на меня обрушилось облако разных запахов: рисовой каши, цикория, свежего хлеба — это наши ранние повара уже приготовили завтрак для детского сада (с 2012 года школа и детский сад объединены).

Школа гудит детскими голосами, смехом, возмущениями у стенда с расписанием... Улыбаюсь, громко здороваюсь со всеми, снимаю верхнюю одежду, одновременно ищу ключ от своего кабинета. Вхожу в него, попутно включаю компьютер, интерактивную доску, свет, ищу мел, даю дежурному стопку тетрадей для раздачи, записываю на доске мелом число, тему урока. Доброе утро!

...Четыре урока прошли незаметно. Пятый пошел...

Первая четверть урока прошла, на мое удивление, удачно, практически весь класс готов. Несколько ребят представили свои буктрейлеры по роману «Евгений Онегин» Пушкина, остальные активно задавали вопросы по увиденному. Такое начало урока меня вдохновило. В мыслях появилась заезженная всеми учителями фраза: «Ведь могут, когда хотят!» Проверка домашнего задания окончена. Переходим к тяжелой артиллерии – НОВАЯ ТЕМА. Новая тема для учеников, как кот в мешке: если повезет (писатель незнакомый, ранее не изучаемый), то можно расслабиться на целый урок, так как не придется из памяти, за редким случаем, извлекать изученное, а если, как в нашем случае, продолжение изучения произведения знакомого автора, то будь на чеку, ведь здесь уж учитель выудит из тебя все, что ты знаешь и не знаешь. В порыве искреннего преклонения перед Александром Сергеевичем, перед его нежной и верной Татьяной, мы в беседе очень быстро (ох, уж этот 9 класс!!!) переходим на тему любви, признания в своих чувствах. Ну кто ж не любит поговорить о наболевшем? 9 класс напроць пропитан романтическими настроениями, искренним любопытством на тему чувств. Итак, говорим о преданности Татьяны, о нелепой честности Евгения, о ветрености Ольги, стремлениях Ленского. Каждый из ребят примерил на себя роль одного из героев, высказал свое мнение о поступках своего героя. Вершиной этой темы по плану являлись письма-признания Татьяны, Евгения.

Вдруг замечаю, что на последней парте началось какое-то не свойственное уроку движение.

- Ира, что у вас там?

- Ой, ничего. Евгения Владимировна, а расскажите еще об образе Татьяны.

Продолжаю урок, но последняя парта заметно оживилась, хотя делает вид, что все как обычно. Соседка Иры по парте, Юлия едва сдерживает улыбку, глаза сверкают. Понимаю, что что-то не так. Почти весь класс искоса поглядывает на милых соседок. В чем дело?

Вижу, что что-то прячут под партой. Делая вид, что ничего не вижу, прохожу мимо их парты. Ага! Опять телефончики прячем. Попутно обнаруживаю записку. Делаю замечание. Тишина.

До конца урока 3 минуты. Подводим итог, уточняем домашнее задание.

И тут Сережка с первой парты вещает на весь класс:

- А признание в стихах и в наше время актуально!

- Конечно,- говорю я. - Это очень мило, изысканно.

- Я даже знаю, кому сегодня пришло такое признание!

- Молчи! - отвечает ему Ира с той самой последней парты, выдав себя при этом.

- Ирке, Ирке!

Та самая Ирка была багрово-пунцовая, она обнаружила пропажу записки, которая уже была в распоряжении Серёжки и содержала в себе текст сообщения, пришедшего Ире на телефон.

Серёга:

- Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство! Ира, давай дружить! Ну, чё, Ирка, будешь с Игорем дружить?
Ира хотела что-то ответить, но тут класс встал и начал рукоплескать. Послышались возгласы девчонок:

- Здорово!

- Вот это да!

- Молодец Игорёк!

Прозвенел звонок. Но весь класс не торопился выходить из кабинета. Серёжа такого не ожидал, он готовился к насмешке над Ирой, а получилось наоборот. Ира была счастливой!

На перемене Ира подошла ко мне, сказала:

- Извините, Евгения Владимировна! Такого больше не повторится!

- Хорошо,- отвечаю.

- А всё-таки, как актуальна в наше время литература прошлых веков. Никогда бы не подумала, что какой-то роман, да еще и в стихах вызовет во мне столько эмоций, чувств. Я люблю литературу.

Это были те самые слова, которые ждет любой учитель-словесник всех времен и народов!!!

ЧИК! И ВСЁ!

«Сейчас заплачу! Сейчас заплачу!» - думает маленькая шестилетняя Женька, испуганно глядя по сторонам. На бирюзовых глазках уже налились алмазные слёзы. Она стоит в центре большой комнаты, куда её привела мама сфотографироваться для бабушки. Бабушка давно не видела внучку, живёт она в Сибири, поэтому эти фотографии были жизненно необходимы. Фотографом была рыжеволосая, высокая, громкая тётка с «цигаркой» в зубах. Рыжая так громко и резко командовала всем вокруг, что Женя просто цепенела от её голоса. Вообще она очень хотела «счикаться» для бабушки, долго выбирала пла-

тыце из скудного домашнего ассортимента, протирала флисовой тряпочкой туфельки, долго ждала маму с работы, и, наконец, ...пришла, а теперь даже пошевелиться не может.

- Ну! Малая, фотографироваться будем? А?

- Б..б..бу...

- Бу да бу! Мне что заняться нечем! Мамаша, угомоните ребёнка! Я что вам няня под носом вытирать!

Милая Женина мама, словно лебёдушка, подлетела к дочери:

- Женечка, хорошая, ну улыбнись тётё! Мы ж заплатили уже! Чик! И всё!

- Я боюсь тётю, она Баба Яга, как мы вчера читали!

- Да ничего она не Яга. Она фотограф.

Женька, сжав волю в кулак, посмотрела на «Ягу», которая нервно курила, подмазывала оранжевой ядовитой помадой тонкие губы и желчно смотрела в Женину сторону.

- Долго будете демократию разводить? Я, между прочим, работаю. Если я на каждого буду столько времени грохать, то я шиш заработаю с маслом.

- Перестаньте грубить, девушка, - спокойно сказала Люба, мама девчушки.

- Что?! Вы посмотрите на неё, она ещё и возмущается. Понашептала дочери, что я кикимора, а теперь права качает.

- Хамка!

- Фотографироваться будем?!

- Да!!!

Ещё более расстроенная Женя решилась на отчаянный шаг: улыбнулась, игриво поставила ручки на пояс, крикнула:

- Я готова!

Рыжая, не затушив папиросу, молниеносно подскочил и на лету начала нажимать на затвор потертой мыльницы.

- Вот, другое дело. Давно бы так.

Девочка с лицом человека-героя спустилась с невысокой платформы, пошла вместе с мамой одеваться.

- Когда зайти? За фотографиями.

- Через неделю!

Уже через минуту из подъезда выпорхнула довольная Женечка. Она была еще больше радостной, когда фотографии были готовы. На них даже не было заметно, что Женька заплаканная. Карточки благополучно отправились на Север.

Прошло двенадцать лет после той встречи с рыжей, но Женька запомнила этот случай. Она решила с тех пор, что станет фотографом, только добрым, вежливым. Действительно, учась в институте культуры, она зарабатывала свои первые копейки фотографией, только вместо мыльницы у неё был новенький «Палароит», который сразу выдавал готовые снимки.

Однажды вечером в небольшую студенческую комнату пришла пожилая, сморщенная дама, с остатками рыжего на седых

волосах.

- Здравствуйте, вы фотографируете?

- Здравствуйте, да. Проходите.

Дама тут же внесла в комнату резкий запах сигарет, «Гвоздики». Женя подумала, что...нет...не может быть.

- Садитесь! Вот зеркало, приводите себя в порядок, не торопитесь, пожалуйста.

- Спасибо. А мы...мы ...не встречались ранее?

-Наверно, нет.

- А вы не та девочка в платье в горошек?

Женька промолчала. Всё было очевидно.

- Улыбнитесь, - уверенно сказала Женя. – Чик! И всё!

Рыжая протянула деньги. Женька не взяла.

- Спасибо, но не надо. Вы меня и так многому научили тогда, в восьмидесятые.

- И чему же?

- Доброте.

Чик и всё!